

EG

Елена
Грозовская

МЕРТВЕЦЫ ТОЖЕ ЛЮДИ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г86

Редактор серии *С. Ленкова*

Дизайн обложки *С. Костецкого*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© Alvaro Cabrera Jimenez, Tasha Romart / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Грозовская, Елена Валерьевна.

Г86 Мертвецы тоже люди : [роман] / Елена Грозовская. —
Москва : Эксмо, 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-04-202438-2

Народные сказания оживают: Кощей Бессмертный, используя могущественную магию, вырывает Василису Премудрую и Ивана-царевича из Лукоморья и забрасывает их в водоворот времени, заставляя перемещаться из русского Средневековья в XXI век и обратно.

Разделённые хитроумными кознями, Василиса и Иван вынуждены снова и снова искать друг друга в этом хаосе. Предсказание провидицы Живы обещало их союз, и судьбы многих героев зависят от этого пророчества.

В том числе жизнь самого Кощея... Сумеют ли герои противостоять чарам, преодолеть суровые испытания и наконец воссоединиться? Обычно в сказках побеждает добро и любовь, но что насчёт этой?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202438-2

© Е. Грозовская, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Моему самому верному читателю Г.Г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— ...Не уйти ли нам подальше
с открытого воздуха, милорд?

— Куда? В могилу?

У. Шекспир. «Гамлет»

Глава 1

Если вы человек курящий и курящий крепко, то можете представить себе, каково это без единой за-
тяжки промучиться сорок восемь часов. Если же вы
никогда не курили, то вам меня не понять.

Только вот что я вам скажу. Перелёт от остро-
ва Исла дель Коко до Коста-Рики, оттуда транзи-
том из Сан-Хосе до Кубы, из Гаваны до Мадрида, из
Мадрида в Москву занял у меня почти пятьдесят два
часа.

Ещё восемь часов без сигарет и без сна я бы не пе-
ренесла, поэтому из аэропорта взяла такси и направи-
лась на Площадь трёх вокзалов. Там купила два билета
в купе СВ на ночной поезд до Тбилиси.

Я стояла на открытой платформе, почерневшей
под холодным дождём, и ждала скорый. Злая, голод-
ная, с сигаретой в зубах, отворачиваясь от неодобри-
тельных взглядов почтенных старушек и любопытных
носильщиков. Один, прыщавый, двинулся было ко мне,
растягивая на ходу рот в уродливой ухмылке, но, угадав
его вопрос, я отступила и хмуро бросила:

— Последняя сигарета, больше нет...

Время тянулось, табачный дым курился и таял в промозгом весеннем воздухе.

«Интересно, сколько человек может выдержать без сна? Двое суток? Трое?»

Мелкий, как бисер, колючий ситничек слизывал в канавах последние апрельские сугробы, стучал по обглоданной жухлой травке за оградой. Холодный вечерний морок захватил безлунную Москву и теперь наполнил на здание вокзала снизу, от мазутной, скользкой, гранитной крошки между рельсами. Он уже подобрался к ногам, забрался под юбку, в вырез шёлковой блузы, в манжеты лёгонького плаща и норовил заползти на спину.

Морок надвигался неотвратимо быстро. Подобно сказочному чудищу, он жаждал проглотить вечерний город и не оставить в нём ничего человеческого. Тьма съедала очертания зданий, деревьев, мостов. Лишь вокзальные огни, за которыми не было видно ни зги, горели монотонно и ярко, выхватывая из темноты скользкие рельсы, косматые лапы низких туч, предвещавших дождливый день.

Выдыхая сигаретный дым, я всё надеялась согреться, но пальцы на ногах застыли, будто в туфлях не было подошвы, и босые ступни стоят на ледяном асфальте. Руки без перчаток заоченели и, стуча зубами, сделал последнюю судорожную затяжку, я поспешила в тепло зала ожидания.

В дверях людская толпа подхватила меня, и живое течение из курток, пальто и шапок вынесло к рядам кресел. Неудобные, жёсткие, сросшиеся, как сиамские близнецы общими подлокотниками, — все они, тем не менее, были заняты.

В микрофон кто-то простуженный объявил очередной поезд. Короткое, резкое эхо гулко откололось от высоких потолков и перепутало слова. Я разобрала последние: *«...платформа номер три»*, и успокоилась — не мой. Парочка рядом поспешно поднялась, освобождая место.

Я с облегчением упала на жёсткое холодное сиденье и принялась сквозь сон наблюдать за потоком пальто и курток.

Они проплывали мимо — пухлые и сдобные, тёплые, почти бестелесные и двигались всё медленнее... Я представляла, как плывут они дальше, выходят из здания вокзала, идут себе куда-то за город в сухие, бесснежные поля, на грунтовую дорогу и до следующей станции, где бесконечная лунная лестница ведёт к безымянной реке, над которой качаются тонкие, хрупкие ветки с прозрачными капельками на невесомых кончиках с набухшими почками. А вокруг раскинулась безбрежная приятнейшая темнота. Очертания спящих кустов проступают неясно и спокойно, как в спальне угадываются очертания мебели ночью.

Эхо бесцеремонно вторглось в сознание: «...платформа номер три», — и чудесная картина исчезла. В ярком свете фонарей я щурилась и закрывала глаза.

9

«Нет, так не пойдёт. Надо собраться, вспомнить о работе... о биологии... о зоологии... Отделы зоологии... сколько их там... двадцать пять или двадцать шесть? Или вовсе двадцать четыре? Та-ак, посчитаем... Акарология, раз... арахнология, два... апология, три... гельминтология, конхиология, мирмекология... это уже сколько? Кажется, десять... О, вот интересный раздел — оология... оофагия... оотека... оомантия... нет, это уже не то...»

Сонные воспоминания о зоологии колдовским образом сливались в одну навязчивую и не связанную с ними мысль, что скоро в уютной темноте я положу голову на подушку в крахмальной, хрустящей наволочке, до глаз укурюсь верблюжьим одеялом в пододеяльнике с ромбовидной прорезью посередине и усну под треньканье чайной ложки. Почему-то подстаканник представлялся мне непременно с изображением Спасской башни, одеяло атласным и синим, а ромб в пододеяльнике — с кружевами.

«С кружевами? Не может быть!» — дёрнулась я на жёсткой скамье и открыла глаза.

Подавив зевок, посмотрела на часы и охнула — всё-таки уснула! Спросонья дико взглянула на опустевшие рядом сиденья и поспешила на перрон.

Состав уже подогнали. Двухцветно-зелёный трудяга электровоз ЧС2 с серебряными ободками на окнах упирался тупым красным носом в платформу.

Проводница бодро топталась у входа в вагон. В полумраке черты её лица смазались, и я не разглядела толком ни цвета глаз, ни оттенка губной помады. Только волосы, иссиня-чёрные, собранные в пучок, выглядели естественно и определённо.

— Вы одна едете в СВ? — спросила проводница строго.

— Одна, — шлёпнула я посиневшими губами и проглотила сладкий зевок.

Проводница приторно-фальшиво улыбнулась и кротко спросила:

— Гражданочка... тут пассажир, ему необходимо срочно уехать, а билеты СВ в кассе закончились. Не возражаете, если он оплатит одно из ваших мест и поедет с вами?

— Возражаю, — отрезала я, и сон как рукой сняло.

Рядом с проводницей стоял сутулый верзила ростом с колокольню, в чёрном кожаном пальто до пят, в огромной кепке, надвинутой на глаза. Из-под обвисшего козырька на заросшей рыжей щетиной морде блеснули хищно, по-волчьи, узкие, прищуренные глаза. Верзила ежесекундно шмыгал носом, переминался с ноги на ногу, сжимая в руках ручки гигантских чемоданов.

— Возражаю! Я хочу ехать одна! — взвизгнула я так, что у самой зазвенело в ушах.

Проводница опешила и растерянно вернула билет. Долговязый же схватил меня за руку и хрипло произнёс с мегрельским акцентом:

— Одна и поедешь, девочка. Я уйду в другое купе, мне бы только чемоданы пристроить.

- С вами не поеду, — пискнула я.
- Послушай, девочка, сколько денег хочешь за билет? Вдвое заплачу, слышишь!
- Пристраивайте ваши чемоданы в... в другом месте!
- Втрое!
- Пустите меня!

Верзила выпустил руку и скривился в презрительной ухмылке:

— Ишь ты какая... маленькая, а жадная. Посмотрите на эту королеву! Ты совершеннолетняя, одна развезжать? Товарищ проводник, проверьте у неё паспорт! — Он повысил голос и посмотрел по сторонам, ища поддержки у толпы.

Откуда-то сбоку двинулась ко мне вторая чёрная тень в полупальто, в такой же огромной кепке, надвинутой на глаза. Мне стало не по себе. Дрожь волной прошла по телу.

Внезапно я поняла, что проводница и эти двое заодно, и если я буду стоять как истукан, то, возможно, мне сегодня вообще не придётся никуда ехать.

Второй потянул клешню в чёрной перчатке к моему чемодану:

— Позвольте помочь вам, сударыня...

«Прощай, атласное голубое одеяло с кружевным пододеяльником! Прощай, чай в подстаканнике с кремлёвской башней!»

Я отчаянно искала путь к спасению. На счастье, к вагону подошла семья с детьми, и шустрый мальчишка шмыгнул между мной и подозрительным незнакомцем. Мне хватило секунды, чтобы вихрем взлететь по ступеням и из тамбура, давя ноги пассажиров чемоданом на колёсиках, устремиться в купе.

Глава 2

За мной никто не гнался. И всё же я заперла дверь, задвинула щеколду. Вынула из сумочки газовый баллончик и, пока поезд не тронулся с места, из-за задви-

нutoй шторы в тонкую щель опущенного окна наблюдала за подозрительными незнакомцами на перроне.

Под окном разговаривали на грузинском:

— Если сегодня не уедем, рассада погибнет.

— Нам бы только чемоданы открыть, проветрить...

*«Наркоторговцы! Траву перевозят, рассаду коноп-
ли! В чемоданах! А проводница с ними в доле!»*

Я отпрянула от занавески, уверенная, что наркоторговцы обязательно найдут способ проникнуть в вагон.

*«Надо было лететь самолётом. И покурить бы
успела в аэропорту, и выспаться... и перелёт три
часа. Ночью была бы уже на месте».*

За минуту до отправления драгдилеры вошли в поезд.

«Только не в соседнее купе! Только не в соседнее!»

В проходе послышались шаги, с размаху шарахнуло в дверь, и в соседнее купе ввалились двое. Через тонкую перегородку была слышна возня и топот. За стенкой бухало, грохотало, падало, двигалось, стучало, как будто бы слон устраивался на ночлег в детской кроватке. Но вскоре всё стихло, послышался приглушённый довольный смех и отзвук неторопливого, спокойного разговора.

Я тревожно прислушивалась к доверительному рокоту голосов за стеной и наконец успокоилась, убедила себя, что наркоторговцам не до меня.

Один из них насвистывал нехитрый мотивчик «Су-лико». Дрогнула дверь, и драгдилеры вышли из купе. Хриплый мегрельский голос отчётливо прозвучал в проходе:

— Рассада не пострадала, это главное. Теперь довезём без проблем. Повезло, что мужик с семьёй не такой жадный оказался, как та сумасшедшая девчонка...

Второй прервал свист:

— А она ничего, аппетитная... я бы не прочь познакомиться поближе. Ох, какие глаза у неё! Зелёные, рысьи...

Мегрел хрипло гоготнул:

— У тебя невеста есть, везунчик, а ты о другой думаешь.

— Наречённая... я её никогда в глаза не видел. Только на фотографии... чёрно-белой, и той лет десять.

— Как же так, не видел?

— А вот так. Она за границей живёт постоянно. В Тбилиси сегодня вечером прилетает из Мадрида. Вот завтра мы и познакомимся, — наркоторговец опять зашвырнул «Сулико».

— Так ты ради неё так спешил? И всё же непонятно, как можно жениться не глядя? На фотографии только лицо видно. А как же всё остальное? А ножки, а ручки? А вдруг у неё ноги кривые или волосатые, или она хромая, или горбатая? — спросил мегрел товарища после паузы.

— Родственники нас сосватали в прошлом году. Невеста приходится мне дальней роднёй, сестра то ли семи, то ли восьмьюродная... Я о ней и знать не знал. Но родня невесты так настаивала, чтобы мы познакомились. Золотые горы сулили, лишь бы пришёл посмотреть на девушку.

У говорившего был спокойный баритон. Сразу видно, кто главный.

— Эва как... — присвистнул мегрел, — ну, вот почему со мной такого не случается?

— Языком чесать любишь.

— Богатая невеста? — не обиделся мегрел.

— Говорят, владеет островом.

Мегрел снова присвистнул:

— Тогда можно прикрыть глаза и на кривые ноги, и на бородавки, и даже на горб...

— Я и сам не бедняк, мгелико¹. А теперь, когда дело выгорит, будем золото лопатой грести. Но понимаешь, друг, тут дело не в деньгах. Видишь ли, заинтриговало меня её семейство. Говорят, невеста сказочной красоты. Не девица, а царевна-лебедь.

— Врут поди?

— Откуда мне знать.

---

¹ Мгелико — грузинское имя, «волчонок».

-
- Так завтра смотрины, значит?
  - Да, завтра.
  - А мне можно прийти?
  - Перебьёшься, — усмехнулся «баритон».

За окном мелькали поля с почерневшей стернёй.

— Пройтись бы, — тихо добавил баритон, — ноги затекли в грузовике.

— Успеешь ещё по топям да трясинам набегаться, друже, — ответил «мгелико». Говор его изменился, исчез мегрельский акцент, слова лились чисто и по-русски, даже уж слишком по-русски:

— *Княже, ты са на меня не гневаи. Симо же ти люди сулити много тебе, мой бардѣ.*

— *То мне ведомо, Афанасий.*

Снова раздался тихий, мелодичный свист. Я невольно подхватила мотив и чуть слышно пропела старую грузинскую песенку:

Розу на пути встретил я,
В поисках уйдя далеко.
Роза, пожалей, услышь меня.
Где же ты, моя Сулико?

Афанасий хрипло рассмеялся за дверью. На этот раз он заговорил на русском, без акцента:

— А тебе не показалось, Острый, что девчонка на царевну твою похожа чем-то?

— Так, может быть, это она и есть, Афоня.

Мегрел промолчал. Тот, кого он назвал Острым, зашвистел «Сулико».

— И что же теперь будет?

— Что было предсказано, то и будет. Она за этим и приехала.

Афанасий снова заговорил с мегрельским акцентом:

— Сбылось всё-таки предсказание... Вай мэ! Вот Жива! Вот бесовка! Всё верно тебе предсказала! Она всё-таки вернулась! Зная о предсказании! Смелая!

— Значит, любовь сильнее страха, — ответил Острый.
— Но ты такой спокойный, княже. Я бы с ума сошёл от волнения, мой бард. Ладно, дружище, пойдём в плацкартный вагон.

— Иди, мгелико, сменишь меня через пять часов.
Свист удалился в соседнее купе, и в проходе стихли шаги мегрела.

«Так он — Афанасий или Мгелико? Русский или мегрел? Кто они? И кто те люди, что посулят им много? И что за обращение такое странное к Острому... княже... мой бард? А Жива — это кто? Неужто они знают мою московскую тётку Живу?»

* * *

Вопреки опасениям, никто меня не беспокоил. Через десять минут проверили билеты. Зашла проводница, взглянула на пустующий соседний диван. Цепко всматриваясь в содержимое раскрытого чемодана, оценила дорогие шёлковые блузы и платья, задержалась взглядом на туфельках Сальваторе Феррагамо, плаще от Барберри, золотых швейцарских часах. Угрюмо пробубнила:

— Постельное бельё брать будете?
— *Хо. Дзалиан минда дависвено. Шеидзлеба мовцио?*¹

Не знаю, почему проводницу так потрясло, что я говорю на грузинском. Услышав чистый тбилисский разговор, она остолбенела и уставилась на меня с таким ужасом, будто чёрта увидела.

— *Ра могивидат?*²

Проводница вышла из столбняка и вяло проговорила:

— Все в порядке, калбатано... извините. Просто вы так посмотрели...

---

¹ Да. Очень хочу отдохнуть. Можно закурить? (*Искаж. груз.*)

² Что с вами? (*Искаж. груз.*)